

IV.3. Антипрофессионализм

Если тщательные, рассудительные и великолепно вышколенные уклоняются от того, чтобы извлекать уроки истории, то недобросовестные и неподготовленные сделают это за них.

Дж. Уэджвуд (цит. по: Клейн 2005—2009: 72—73)

Кто вошёл в науку с чёрного хода, скатится вниз по парадной лестнице.

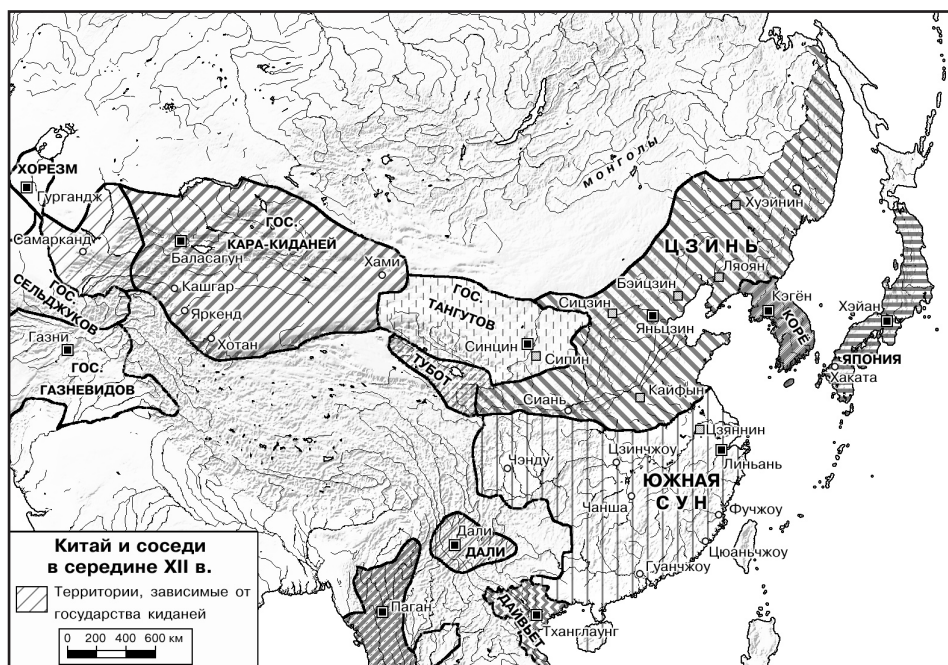
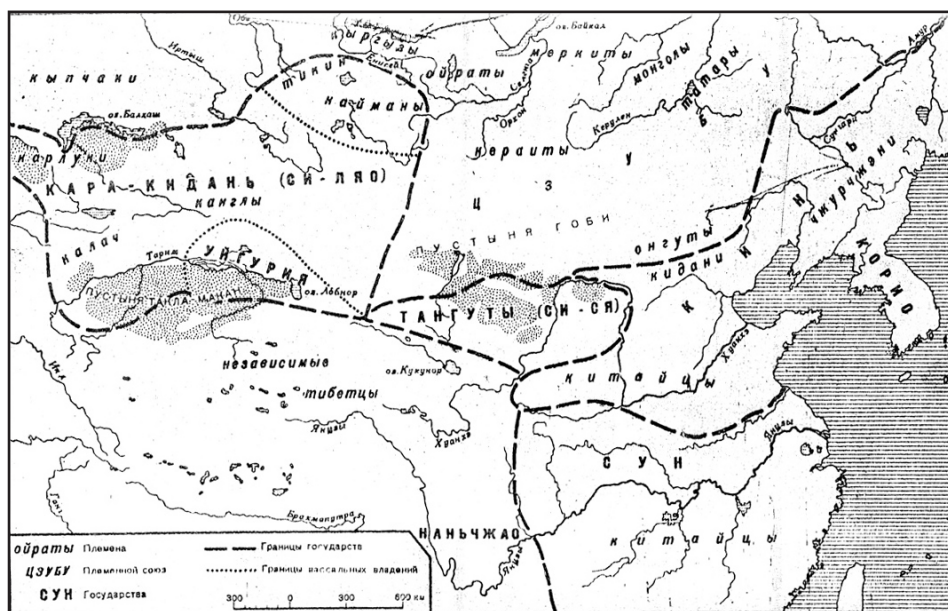
Л. С. Клейн. Афоризмы о науке

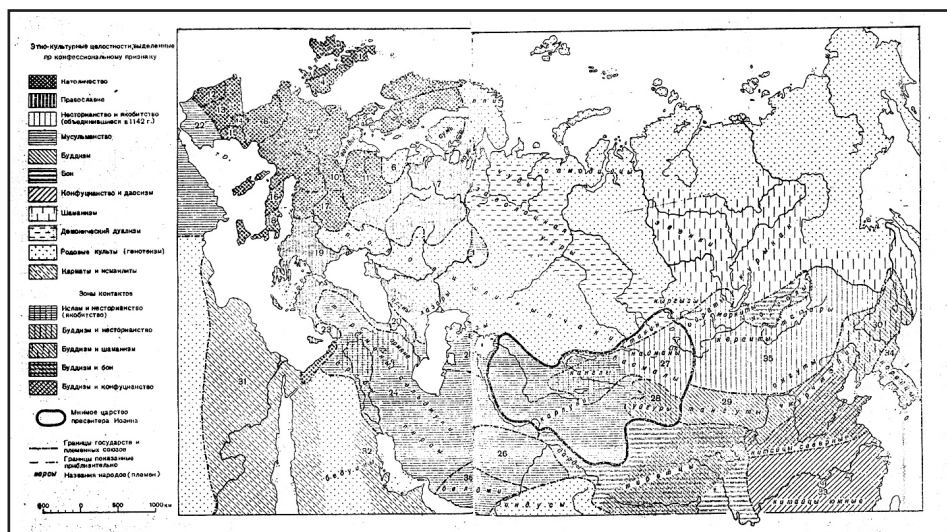
Мы уже не раз отмечали, насколько характерен для мифологов принципиальный дилетантизм. Все «революции» в германской науке, вызвавшие её идеологическое перерождение, были совершены выходцами из других научных сфер, когда филолог реформировал физическую антропологию или археологию, а металлург — учение о Космосе. Как правило, это случается тогда, когда и в собственной научной сфере автор не достиг заметных успехов. Так, математик А. Т. Фоменко взялся реформировать историю явно под влиянием профессиональных неудач. О слабости его собственно математических работ (по меньшей мере начиная с середины 1970-х годов) упоминает один из его учителей — академик С. П. Новиков (1997):

«Мне кажется, это показательно: если люди не могут понять соседней области математики, им, безусловно, ещё труднее проникнуть в суть иных, чуждых математике, наук — таких, как история. <...> Один из лучших геометров мира — М. Громов — публично заявил в Мэриленде, что статьи и книги Фоменко написаны очень ловко: красота презентации результатов во введениях, как и на публичных лекциях, не имеет никакого отношения к малоинтересному, абстрактному содержанию его математических теорем» (там же).

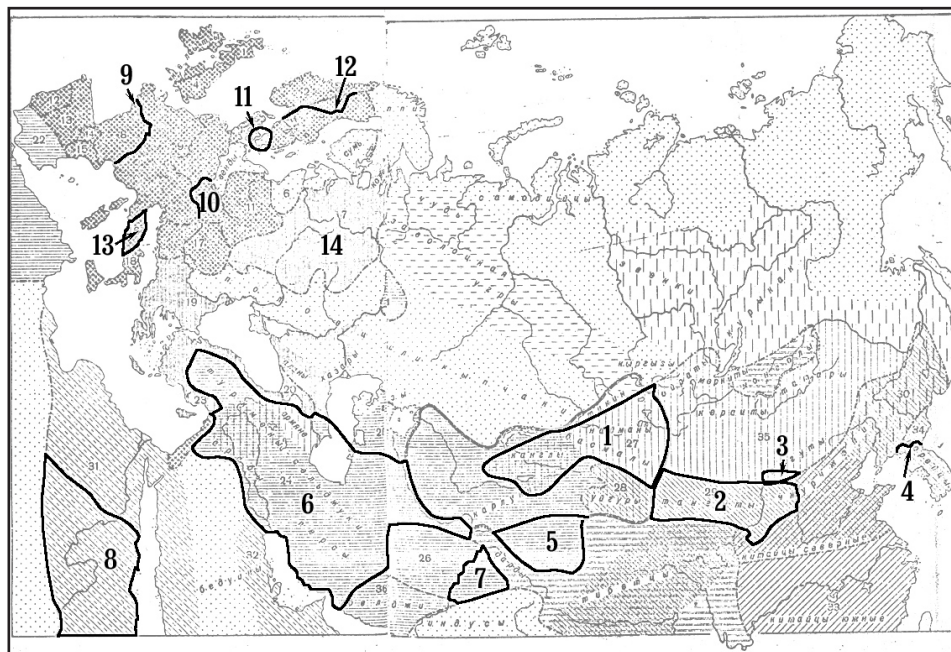
С Розенбергом в этом отношении ясно: инженер-строитель, так никогда ничего и не построивший (если не считать идеологической пирамиды своего «Амта»). Иное дело Л. Н. Гумилёв, доктор исторических и доктор географических наук. Тем более странно, что особые проблемы возникают у него почему-то с картографией. Казалось бы, историческая география — его основная сфера деятельности, и напутать что-нибудь в карте для него — то же, что для медика спутать дибазол с димедролом или строфантин с седуксеном. И всё-таки...

Взглянем, например, на карту II из «Поисков вымышленного царства» — «Срединная Азия в XII в.» (Гумилёв 1970: 366; 1992 а: 278). Почему-то эта *Срединная Азия* не включает *Среднюю Азию*, зато в неё входят Китай и Корея: её рамки — от Ферганской долины до Уссури и от Байкала до Куньмина. Империя чжурчжэней (Цзинь) показана правдоподобно, но... лишь в общих чертах. От Корё (Кореи, вассальной чжурчжэням, но самостоятельной) она вообще не отделена границей. Граница между империями Цзинь и Сун проходит не по Хуайхэ, а чуть севернее, оставляя за Сунами оба берега реки. Вся долина Вэйхэ, вместе с прежней танской столицей Чаньанем (ныне Сиань), осталась на сунской стороне (ср.: Воробьёв 1975: 114—115, вклейка на с. 112—113). Западная граница империи Сун проходит по р. Миньцзян (чуть не под стенами Чэнду), а затем продолжается почти прямо на юг, охватывая нынешнюю провинцию Гуйчжоу: на самом деле эта провинция вошла в состав Китая только в XV в., реально же не была освоена китайцами и в XIX в. Это видно из землеописаний Китайской империи в переводе Н. Я. Бичурина, издание которых готовил сам Л. Н. Гумилёв вместе с М. Ф. Хваном (Бичурин 1960). По другую сторону границы оказалось царство «Наньчао», на самом деле ещё в X в. переимено-

Карта 3 из «Поисков вымышленного царства» (Гумилёв 1970: 366).

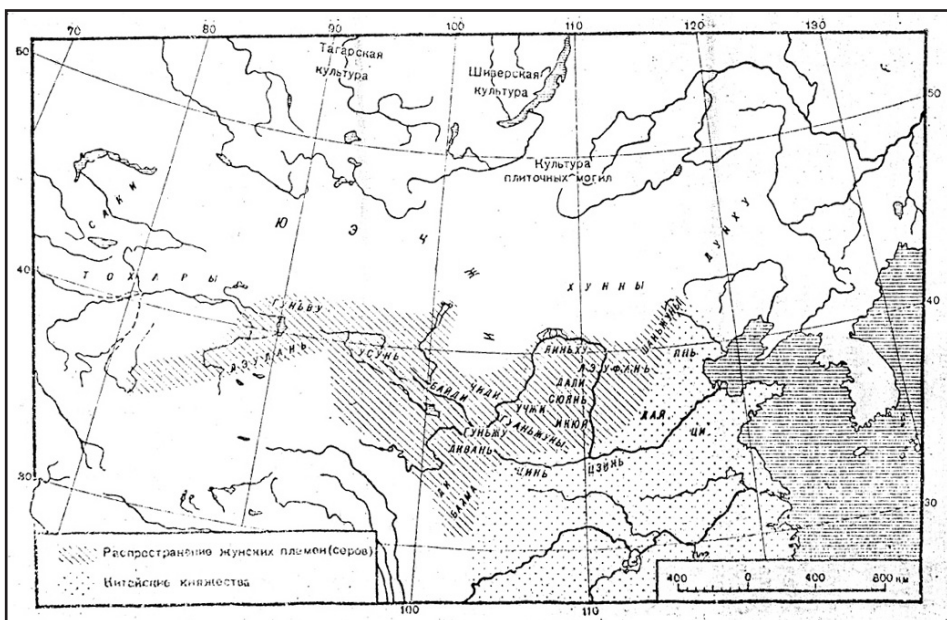
Исправления, которые потребовалось бы внести в эту карту в последующих изданиях.
(Расшифровка в тексте).

ванное сначала в Дачанхэ, а затем в Дали, к тому же надпись «залезла» аж в Кам — часть не Наньжао-Дали, а Тибета. Тангутское государство оканчивается на западе острым «хвостом», в результате не только Дуньхуан (Гуачжоу) и Юймэнь, но даже Хара-хото (который Гумилёв, как мы видели ранее, принимал за его столицу) оказался за его пределами (ср.: Кычанов 1968: 42).

Через две страницы следует карта III (распространения религий) — на сей раз уже всей Евразии на тот же период — середину XII в. (Гумилёв 1970: 368—369; 1992 а: 282—283). Тем не менее границы Кара-Кидани (см. карту с исправлениями, пометка 1) и тангутского государства (2) не имеют почти ничего общего с изображёнными на предыдущей карте. Так же как и граница империи Цзинь к северу от большой излучины Хуанхэ (3). Границы Кореи показаны практически современными, включая на северо-востоке провинции Чагандо, Янгандо и Хамгёндо — на самом деле присоединённые этой страной лишь в середине XIV века (4). Мусульманство глубоко вторгается в Тибет, охватывая даже Чантан — область со средней высотой более 5000 м над уровнем моря, до сих пор почти не населённую (5). «Султанат Великих сельджуков», показанный в своих максимальных границах (6), на самом деле был разделён ещё в 1118 г. (и Гумилёв об этом разделе пишет в той же книге). Азербайджаном с 1136 г. правили Ильдегизиды, Фарсом с 1148 г. — Салгуриды, Луристаном с того же года — Хазараспиды и т. д., в Багдаде была восстановлена светская власть халифов — но на карте всего этого нет: единый сельджукский султанат высится такой же громадой, как в годы, когда весь Китай почти безраздельно принадлежал династии Сун! При этом его восточным соседом оказывается султанат Гуридов, образованный лишь в 1150 г., — зато нет государства Газнавидов, удержавшихся в Лахоре до 1187 г. (7). В состав государства Фатимидов входит не только давно утраченная Нубия, но даже Эфиопия (8). В Европе господствует «Священная Римская империя германских народов» (правильно — «германской нации», хотя эти последние два слова добавила лишь Золотая булла 1356 г.). Граница этой империи с Францией проходит по Луаре, отрезая даже Париж и Бретань (9), зато «королевство Богемия» (Чехия) в неё почему-то не входит (10). Зеландия — датская столичная область — и Сконе входят не в католическое Датское королевство, а в зону «родовых культов» (11) — а где же тогда находилось архиепископство Лундское, духовный центр всей Скандинавии? Шведско-норвежская граница, до мира в Брёмсебро (1645 г.) резко отклонявшаяся в средней части к Ботническому заливу, так что Емтланд и Херьедален оставались на норвежской стороне, показана практически в современном виде (12). Папские владения занимают треть Италии — так велики они не были вообще никогда (13). Под № 7 значится «Великое княжество русское» (когда оно вообще так называлось?), на самом деле к тому времени уже сто лет как не единое (14).

Мелочи? Но когда их так много, они перестают быть мелочами. Небрежность? Но ведь это лицо автора как специалиста. Ошибка наборщиков? Но карты 1970 года без каких-либо изменений перенесены и в издание 1992 года — хватало времени, чтобы заметить и исправить ошибки. Конечно, если было желание и возможность.

Ведь то же самое повторяется и в других книгах Гумилёва. Сошлёмся, к примеру, на его «Хунну», карта «Распространение племён в Срединной Азии около VII в. до н. э.» (Гумилёв 1960: 26). Проверить, как на ней размещены кочевники, — дело сложное, справиться могли бы лишь специалисты-кочевниковеды, а вот китайские

Карта «Распространение племён в Срединной Азии около VII в. до н. э.» (Гумилёв 1960: 26).
Внизу — исправленный вариант.

царства... Из них отмечено всего пять: Ци, Цзинь, Дай, Янь и Цинь. При этом Цинь и Янь — на своём месте, Ци — смещено на юго-запад, чуть ли не в царство Сун. Надпись «Цзинь» занимает лишь юго-западную окраину этого могучего в то время царства — на южном берегу Хуанхэ, от Лояна до Тунгуаня. Его место в южной части гор Тайханшань занимает «царство» Дай — на самом деле второстепенный яньский удел к северо-западу от Пекина (почти на 500 км севернее, чем указано). Другие царства не надписаны (видимо, потому, что они не играли важной роли в делах северной границы), но юго-западная граница Китая почему-то охватывает практически всю Сычуань и всё то же Гуйчжоу. На самом деле в Сычуани в то время находились не китайские государства Шу и Ба, созданные тибето-бирманскими племенами и покорённые царством Цинь лишь в конце IV в. до н. э.

На следующей карте из той же книги — «Срединная Азия около 135 г. до н. э. (по данным путешественника Чжан Цяня)» — почему-то не Чжан Цяня (Гумилёв 1960: 105) — империя Хань показана в виде условного прямоугольника. На сей раз она включает лишь половину Сычуани (граница пересекает реку Янцзы близ нынешнего Чунцина), неизменную провинцию Гуйчжоу, а также вьетское царство Миньюэ (Фуцзянь и юг Чжэцзяна), покорённое лишь где-то около 108 г. до н. э.

Если историк и географ настолько не в ладах с картой...

Впрочем, стоит заметить, что антипрофессионализм удачно сочетается с уже названной чертой — аристократизмом. М. Оссовская (1987) не раз отмечает страх представителей «благородного сословия» (от героев Гомера до английских джентльменов) перед ярлыком «специалиста». По её мнению, профессионализм — удел ремесленников, низшего сословия, продающего своё искусство за деньги. Благородный же человек может позволить себе вообще ничего не делать, а если он всё-таки занят (например, на государственной службе), то демонстрировать «подставную праздность» должны его лакеи (Оссовская 1987: 48, со ссылкой на Т. Веблена). Всё это так, но дело не только в этом. Во-первых, для благородного этоса характернее идеал гармонически развитой личности, в то время как специализация делает человека однобоким. Во-вторых, все аристократические группы, рассмотренные польским автором, — либо воины, либо их потомки. А на войне бывает, что приходится обслуживать себя всем, чем угодно. В любой ситуации такой человек должен уметь обойтись собственными силами, хотя бы на время. Ведь он — опора зависимых от него людей, а сам не нуждается в опоре, он независим. Поэтому воин обязан уметь *всё*, что может срочно понадобиться, но именно поэтому не может останавливаться на чём-то *одном*. Если надо, он и обувь сошьёт — но не как настоящий сапожник, а такую, чтобы не развалилась, пока он не доберётся до сапожника. Он и стихи сочинит и пропоёт — но лишь тогда, когда это срочно необходимо, а настоящего поэта нет. И так во всём. В «*Старшей Эдде*» воин-викинг советует младшему товарищу:

Советы мои,
Лоддфафнир, слушай,
на пользу их примешь,
коль ты их поймешь:
обтёсывай древки
и обувь готовь
лишь себе самому;
если обувь плоха

или погнуто древко —
проклятья получишь.

(Речи Высокого, 126)

Всё это местами даже прекрасно, не случайно образ рыцаря в наших глазах окутан ореолом романтики. Но наука — сфера профессиональная и высокоспециализированная, в ней, как знали ещё древние греки, «нет царских дорог». У современного «рыцаря» нет морального права презирать «ремесленников» (например, «цеховых историков») за их профессионализм и являться к ним в цех с видом барина. Рыцарский этос проиграл историческое состязание прежде всего потому, что в современном сверхсложном мире, держащемся на плечах именно профессионалов, сфера деятельности, доступная для такого человека, очень мала.

В наши дни картина всё же несколько иная. По-видимому, борцы против «цеховой науки» и «заговора мохнатых» (Кондратьев 2007: 42) видят в себе защитников свободы научного слова. Однако наука — в принципе не свободная сфера. В ней всегда будет существовать *диктатура истины*, а стало быть, тот, кто ею владеет, никогда не будет равен «человеку с улицы». Для их различения действителен критерий истины, признаваемый марксизмом и прагматизмом, — практика. Автор работающего прибора и автор неработающего — принципиально не равны. И ни один борец с «цеховой наукой» не ляжет на стол к хирургу, о котором известно, что кончал он не медицинский институт, а ПТУ, и диплом у него — водопроводчика. Он выберет профессора «официальной» медицины, будь она хоть трижды «мохнатой». Никогда этот борец не сядет в самолёт, за штурвалом которого — практикант, никогда не доверит свои деньги банку, владельцы которого уже трижды прогорали. И если в гуманитарной сфере последствия дилетантизма не столь очевидны, это не значит, что они менее опасны.

Сильные оппоненты постмодернизма Ж. Брикмон и А. Сокал (первый — профессор теоретической физики в университете Лувена, второй — Нью-Йорка), критикуя попытки представить истину множественной, постоянно обращаются к одной и той же параллели (Сокал, Брикмон 2002): сравнению исследователя со следователем, а научное сообщество — с судом⁷⁷. В начале дела следователь имеет на руках лишь немногие смутные улики, но тем не менее истину он обычно устанавливает. Как мог бы суд работать на основании того, что дело было «может, так, а может, этак»? Как мог бы он ограничиться наказанием одного из многих вероятных виновников? Поэтому в суде, как и в физике, плюрализм мнений — лишь временное состояние, из которого должна родиться лишь одна неоспоримая очевидность. Будь это не так, все суды давно были бы закрыты — в силу той логики, которую кратко выразил знаменитый анекдот о Ходже Насреддине, которого эмир как-то раз назначил судьёй против его желания:

— И ты прав... И ты тоже прав... И что они не могут быть правы оба разом — ты тоже прав... Неправ лишь тот дурак, который назначил меня судьёй.

⁷⁷ Это даже не натяжка. В латыни как «следователь, разведчик, сыщик», так и «исследователь» обозначаются одним и тем же словом — *inquisitor* (от *inquirō* 'искать, вникать, рассматривать'). У Цицерона и Сенеки встречается выражение: *inquisitor rerum naturae* — 'исследователь природы' (Дворецкий 1976: 531).